

СЕКТОРАЛЬНОЕ ГЕНДЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Поднимаются проблемы, связанные с формированием секторального гендерного пространства в традиционных этнических сообществах. Выявляются уровень женской активности и условия психологической переориентации гендерных систем от традиционных к маргинальным. Анализируются проблемы, связанные с гендерными диспропорциями социального статуса женщины в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова:

гендерное пространство, гендерные системы, секторальное гендерное взаимодействие, социальный потенциал.

В настоящее время все более отчетливо происходит становление особой схемы латентного воздействия гендерного фактора на все функциональные области социума. Изначально ограниченная рамками моральных и этических взаимодействий, вопросами поколенной трансляции, поведенческой и мотивационной нормативности, женская активность начинает вмешиваться во все или почти все стороны внутрисемейной и, через неё, общественной жизни. В недрах традиционных патерналистских этнических сообществ кристаллизуется особый вид детерминирования общественных явлений – секторальное женское влияние. Оно, как правило, замкнуто в рамках семьи и гендера, но приобретает полифункциональность и многонаправленность.

Феномен секторального гендерного воздействия на социум характеризуется своей неясностью. Суть его негативного воздействия обусловлена неравноправностью положения женщины в семье и обществе, приводящей к эффекту социального отчуждения, когда ввиду дискриминационных ограничений женщина не может реализовать свой природный потенциал и на подсознательном уровне ощущает социум как нечто, если не чуждое, то агрессивное – с одной стороны. С другой – пытается проецировать собственные социальные ожидания на своих детей, членов своей семьи и ближайшее окружение. В визуальных представлениях оно может восприниматься как некий объем взаимоотношений, находящийся в глубине внутри семейного поля и доминантно взаимодействующий со всеми областями его функционирования [5].

В сущности, секторальное гендерное пространство может формироваться лишь в условиях реальной дискриминации женщин – явления весьма характерного для подавляющего большинства традиционных этнических сообществ [3; 4].

На сегодняшний день гендерная демократия определяется как система волеизъявления женщин и мужчин, равных в возможностях и правах, законодательно закрепленных и реально обеспеченных в политико-правовых принципах, действиях, строительстве общественных и государственных структур.

Принципы гендерного равенства закреплены во многих международных документах, в частности, в Общей декларации прав человека (1948), Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации относительно женщин (1967), Декларации ООН об искоренении насилия относительно женщин (1993) и многих других.

Однако наиболее острой проблемой, инициирующей нежелательные трансформации гендерных систем, является противоречие между правовыми манифестациями равенства женщин и реальным ее статусом.

Секторальное гендерное пространство формируется, исходя из возможных направлений приложения женской активности при официальной доступности этих направлений и затруднений или невозможности свободного развития женской части общества в этих направлениях. В традиционных этнических сообществах патерналистского толка эта проблема не стоит, ввиду отсутствия перспективных векторов приложения ресурсов женской активности [2].

В этом смысле даже та составляющая женской активности, которая постепенно замещает все остальные компоненты в рамках гендерных систем, – адаптивно-социализационная – зачастую не находит себе достойного применения в социуме. Незвизуальная на все подвижки современного российского общества, уровень женского участия в его жизни остается недостаточным. Основные параметры социального «легитимизированного» гендерного влияния остаются в пределах тех значений, которые

были заданы еще в годы существования СССР. Практика же партийных и государственных органов того периода предусматривала именно представительные функции женщин в соответствующих областях общественной жизни, и не более того.

Иначе говоря, искусственно создавалась ситуация, при которой представительство женщин было достаточным для создания условий психологической переориентации гендерных систем от традиционных к маргинальным, в то же время факты успешного продвижения женщин по вертикали социального положения имели прецедентный характер, что необратимым образом усиливало деструкционные изменения уже в рамках маргинализованной семьи. Это в полной мере относилось к советскому обществу в целом и, уж тем более, – к этническим сообществам Северного Кавказа. Так, история проявлений женской социальной активности в Кабардино-Балкарии позволяет говорить, что для нашей республики ситуация носила именно такой характер, можно сказать, в классическом его варианте.

И на сегодняшний день декларативное расширение областей реализации потенциала женской активности вкуче с заметной секуляризацией их на практике обуславливает сублимативную активность женской части традиционных сообществ в рамках секторальных гендерных проявлений, что, в первую очередь, зависит от субъективного самоощущения женщины.

Как известно, субъективные показатели статуса связаны с оценкой индивидом своего статуса в обществе, оценкой имеющихся ресурсов (в сравнении с ресурсами других членов общества) с точки зрения возможности их использования для реализации жизненных потребностей. В смысле формирования секторального гендерного пространства возможно выделить несколько определяющих параметров: оценка материального положения; ретроспективные, актуальные и перспективные оценки изменения уровня личного благосостояния, социальных возможностей за определенный период времени; самооценка позиции на воображаемой социальной лестнице; удовлетворенность своим положением в обществе, возможностью самореализации.

Социальный потенциал индивида реализуется на двух уровнях. На объективном уровне включается совокупность имеющихся ресурсов индивида (экономических, политических, профессиональных, культурных), которые можно использовать для реализации своих жизненных потребностей. Владение этими ресурсами может непосредственно определять социальный

статус индивида в обществе или использоваться им для последующего повышения его социальной позиции благодаря механизмам социальной активности. На субъективном уровне социальный потенциал включает осознание ценности имеющихся ресурсов и способов их воссоздания и увеличения, личную готовность индивида к их освоению с целью реализации жизненных перспектив в целом.

Такой комплекс самооценки распадается на несколько значимых фрагментов: ощущение возможности влиять на собственную жизнь; готовность к активному конструированию своей жизни; ориентация на экономическую, политическую, профессиональную, духовно-культурную активность [1].

Анализ социального статуса женщины в республиках Северного Кавказа согласно вышеперечисленным критериям демонстрирует наличие серьезных гендерных диспропорций. Социальный статус женщины в современном традиционном обществе характеризуется рядом параметров: пониженной относительно мужчин долей женщин в составе экономически активного населения, преобладанием женщин в составе официально зарегистрированных безработных и в группе реально безработных; более длительными сроками безработицы в сравнении с мужчинами; сохранением существенного гендерного разрыва в оплате труда; увеличением гендерного разрыва в оплате труда в меру увеличения прибыльности и престижности рода деятельности; гендерной диспропорцией уровня доходов; тенденцией снижения удельного веса женщин в численности персонала по мере увеличения управленческой части работников; снижением доли женщин в представительских органах власти в 1990-х годах; сохранением существенного гендерного диспаритета среди научных работников.

Короче говоря, в областях политической и управленческой жизни общества к 80–90-м годам прошлого века были созданы и, по всей видимости, переводящие гендерные системы в их секторальную форму [6].

Аналогичная ситуация сложилась в этот же период с другими социально значимыми сферами возможной реализации потенциала женской активности. Достаточно упомянуть, что за все послевоенное время доля женщин в составе субъектных отделений Союза писателей не поднималась выше десяти процентов, похожие показатели женского участия мы наблюдаем в региональных Союзах журналистов, еще менее заметно представительство женщин в Союзах художников северокавказских республик.

Даже такая, казалось бы, изначально свободная от ортодоксальных нормативных стандартов сфера, как современный шоу-бизнес, оказывается весьма иллюстративной. Ни одна женщина – уроженка республик Северного Кавказа не добилась признания у себя на родине, и успех к ним пришел лишь в Москве (Жасмин, Сати, Чуприна (Лель), сестры Базыкины (Зайцевы), Ракитина, некоторые другие).

Однако наиболее значимым направлением формирования секторального гендерного пространства видится этноидентификационная. Данные социологических опросов, проведенных в Кабардино-Балкарии в последние несколько лет свидетельствуют о постоянном и резком росте интереса женщин к вопросам этнической принадлежности, к дефинитивным признакам этноса как такового.

Показательно, что базовые гендерные комплексы Северного Кавказа не знали дифференциации по национальному признаку. Системы традиционного гендерного взаимодействия не предполагали формирования параметральных данных этого порядка, не занимались актуализацией этнического самосознания у членов гендерных групп. Так, среди более чем тысячи зафиксированных и опубликованных текстов колыбельных песен народов Северного Кавказа, включающих в качестве обязательной жанровой меты благопожелание младенцу, нет ни одного указания на предпочтительное проявление им во взрослом состоянии каких-то специфических национальных черт. Это при том, что в культурах народов региона концепты, обозначающие интегрированность личности в этническое поле, играют заметную роль (соположенные понятия «славянофильство», «адыгство», «чеченство», «аварство», «балкарство» и т.д.).

Необходимо сделать пояснение. Выше указывалось, что этническая составляющая гендерных систем и базовых гендерных комплексов является обязательной для традиционных сообществ. Однако не стоит путать понятия этнической прямой номинации, когда на понятийном уровне

определяются признаки этнической личности и морально-этические стандарты. Для традиционного этнического мышления в его классических формах этническая идентификация совпадает с идентификацией социальной и культурной, выделять в том или ином виде нормативы поведения и мотивации личности в качестве национальных не имеет смысла.

Данные же социологических опросов последних 10-15 лет свидетельствуют – женщины стали придавать особое значение таким характеристикам личности, как приверженность национальным обычаям, сохранение этнической маркированности индивидуума и т.д. Таким образом, вопросы этноидентификации явно выступают в качестве одного из сегментов секторального гендерного пространства, и положение это сложилось, начиная с середины 90-х годов прошлого века. Проецируя ситуацию на сегодняшний день, особое внимание обратим на тот факт, что в эти же 10-15 лет в парадигме этноидентификационных характеристик появились новые позиции, связанные с конфессиональными предпочтениями граждан.

Подводя промежуточные итоги, мы констатируем, что секторальное пространство формируется в качестве мировоззренческого ядра гендерных групп, распространяющего свое влияние на все составляющие базовых гендерных комплексов. Складывается секторальное гендерное пространство в условиях диспаритета реального статуйирования женщины и мужчины в традиционных этнических сообществах при правовом их равенстве и наличии прецедентов реализации потенциала женской социальной активности в границах этих правовых норм.

И, особо важное для Северного Кавказа обстоятельство, – секторальное гендерное пространство, при соблюдении вышеназванных условий и на определенной стадии маргинализации традиционных этнических сообществ, в качестве одной из главных своих объемных компонент включает в себя и такую сферу, как вопросы национальной и конфессиональной идентификации субъекта.

Список литературы:

1. Бестужев-Лада И.В., Захарова О.В. В лабиринтах женской эмансипации: Женщина как социальная проблема. – М.: Academia, 2000. – 200 с.
2. Брайсон В. Политическая история феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
3. Вовченко О.М. Гендерное равенство как социально-философская проблема. – М.: Социум, 2000. – 195 с.
4. Силласте Г.Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Социологические исследования, 1994, №3. – С. 17–22.
5. Пушкарева Н.А. Историческая феминология и гендерный подход в исторических науках. Учебно-методические материалы. Программа курса. М., 2001 – 64 с.
6. Цивьян Т.В. Оппозиция мужской/женской и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнографические стереотипы мужского и женского поведения. – М., 1991. – С. 77–91.